

проза

Анатолий ШАЛАГИН

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

художественно - документальная повесть

коллаж Л. Овчинникова

Пасмурным утром 13 февраля 1939 года к запасным путям Берлинского вокзала маневровый паровоз подтянул два бронированных вагона. Прибытие этого небольшого состава вызвало бурное оживление среди присутствующих на перроне. Сотрудники СС, выставленные заблаговременно в оцепление, приняли положение «смирно», и даже натре-

нированные овчарки, видимо, поняв важность происходящего события, сели на покрытый инеем асфальт и прекратили лаять.

От группы встречающих официальных лиц отделилась сутулая фигура мужчины и замерла в позе низкого поклона в парах локомотива. Лязгнула дверная щечолда, и на подножке вагона появился человек, чье имя вызывало благоговейный трепет у миллионов людей, живущих на

громадной территории от Японских островов до Малайи. Это был японский принц Ито – магистр тайного общества «Черных драконов», основанного в 1878 году Мицуру Тоямой - монахом, собравшим вокруг себя офицеров для борьбы против «западной» парламентской системы и замены ее в Японии диктатурой военных, властью самураев. Меньше чем за год «Черные драконы» стали самым могущественным тайным обществом Японии. Начиная с 1880 года им удавалось оказывать решающее влияние на любое политическое событие в стране. Теперь «драконы» принимали участие в новом переделе сфер влияния в мировых масштабах. Именно поэтому тайную дипломатическую миссию в Берлин возглавил принц Ито.

Принц быстро спустился по ступенькам на перрон и легким касанием руки дал понять стоящему в поклоне человеку, что ему можно поднять глаза на его царственную особу. Посол Японии в Берлине Хироси Осима, а это именно он стоял в поклоне перед вагоном, выпрямился и гортанно поприветствовал принца. Ито сразу двинулся к стоящим неподалеку лакированным лимузинам, одарив лишь легким кивком головы встречающих его высокопоставленных чиновников третьего рейха. Тем оставалось только подивиться высокомерию гостя.

- Азиат, кажется, не понял, где он находится, – с язвительной усмешкой вполголоса сказал статс-секретарь министерства иностранных дел Германии фон Вейцзекер стоящему рядом штандартенфюреру СС Хильке.

- Когда-нибудь мы заставим этих обезьян уважать Германию, – злобно прошипел эсэсовец.

Наскоро рассевшись по машинам, и гость, и встречающие его лица направились в замок Бельвю, где японского принца ожидал рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер.

К началу 1939 года на политической арене мира начал отчетливо формироваться военно-политический альянс, который позже историки назовут «Ось Рим-Берлин-Токио». Воедино сошлись геополитические интересы гитлеровской Германии, фашистской Италии и императорской Японии. Для прикрытия своих милитаристских планов по разделу мира эти державы пользовались одобренным методом. Они провозгласили себя главными борцами с «коммунистической заразой». В этой игре политической терминологии страны «оси» явно, а чаще тайно, поддерживали державы, считавшие себя оплотом демократии. Это, главным образом, касалось Англии, Франции и США. Руководство этих стран всеми силами пыталось направить агрессивные планы «антикоминтерновского союза», а именно так именовали себя государства «оси», против СССР.

За такой политикой тайного натравливания агрессоров стояли не столько идеологические мотивы, сколько, и это было главным, стремление сохранить свои колониальные

интересы в мире. Высшему политическому руководству Англии и Франции, как никому другому, было понятно, что для расширения своего жизненного пространства агрессорам потребуются территории английских и французских колоний. А их было немало как на азиатском, так и на африканском континентах.

Правительство США тоже было заинтересовано в том, чтобы «столкнуть лбами» СССР и страны «антикоминтерновского пакта». Расчет такой политики был прост. Пусть воюющие ослабят друг друга в боях, а США тем временем, проводя политику мнимого нейтралитета, окрепнут после крупномасштабного экономического кризиса и тогда уже начнут вмешиваться в дела как победителей, так и побежденных. Политики США были уверены в том, что пока в Европе и Азии будут идти войны, а в их неизбежности уже никто не сомневался, американцы могут спокойно «отсидеться», будучи отделенными от театра боевых действий двумя океанами.

Сенатор Гарри Трумэн, будущий президент США, публично заявлял: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». В своих идеях Трумэн был не одинок. Министр авиационной промышленности Англии Д. Мур-Брабазон рассуждал: «Пусть Германия и СССР истощают друг друга, в конце войны Англия станет хозяином положения в Европе».

Нужно признаться, что эти две фразы будут произнесены через два года, вскоре после нападения Германии на СССР. А пока мир балансировал на грани мира и войны. Но чаша весов все больше и больше склонялась к войне. Уже позади были аншлюс Австрии, реализованный план Z, больше известный под названием «Мюнхенский сговор», японское вторжение в Китай...

Гитлер не мог сдерживать своего раздражения. Он соскочил со своего места за столом переговоров и разразился тирадой, тыча пальцем в карту мира, висящую на стене. Переводчик принца Ито едва успевал шептать в ухо своего патрона слова фюрера.

- Неужели вы там, в Японии, не понимаете, - почти кричал Гитлер, - что помимо русских у вас еще есть враги. Англия и Франция никогда не отдадут императору Индокитай. Вы сунетесь в Сибирь, а в тыл вашей армии ударят корпуса англичан и французов. А там и янки не заставят себя долго ждать. Мы должны вместе решать эти проблемы, Германия и Италия – в Европе, а Япония - в Азии...

Принц кивал своей бритой головой и улыбался. Эта идиотская, по мнению Гитлера, улыбка «заводила» фюрера еще больше.

- Вы отстали от жизни, цепляясь за меморандум Танаки*.

*Меморандум Танаки - секретный доклад по вопросам внешней политики Японии, представленный в 1927 г. премьер-министром генералом Танакой японскому императору, предусматривал широкую экспансию Японии в Китай и содержал открытый призыв к нападению на СССР.

Мир, благодаря великой Германии, уже изменился...

Гитлер заметил выражение лица своего министра иностранных дел Риббентропа, который присутствовал на переговорах, и понял, что сказал что-то лишнее. Он знал, Риббентроп понимает в премудростях внешней политики больше него, поэтому осекся и, замолчав, сел на свое место.

А осекся было из-за чего. Гитлер в порыве сболтнул важную для японцев информацию. Принцу невольно дали понять, что содержание совершенно секретного меморандума Танаки стало известно немцам, хотя в свое время сам Гитлер заверял японское руководство, что Германия не ведет против Японии, как своего ближайшего союзника, разведывательной деятельности.

Заминка не ускользнула от внимательных глаз принца Ито. Продолжая улыбаться, он сказал:

- Мы понимаем вашу озабоченность, господин канцлер. Император и правительство Японии рассмотрят ваши предложения, но, на наш взгляд, пока следует подписать соглашение между Германией и Японией, направленное исключительно против России, а вопрос о взаимодействии против Англии, Франции и США отложить на более позднее время.

По лицу Гитлера пробежала судорога. Риббентроп, опасаясь нового всплеска эмоций фюрера, поторопился заявить:

- Давайте обсудим детали этого соглашения завтра, а пока нас ждет ужин.

Все присутствующие были рады взять тайм-аут. Взаимная неуступчивость утомила обе стороны. Все дружно поднялись из-за стола переговоров и перешли в соседний зал, где под музыку Сальери в исполнении квинтета музыкантов должен был состояться дипломатический ужин.

За столом Гитлер, чувствуя неловкость за недавний конфуз, решил оставить разговоры о политике.

В последнее время канцлера не меньше, чем предстоящая война, интересовал вопрос о расовом превосходстве арийской нации перед другими народами. Но говорить об этом с японцем, который хотя и был царских кровей, но все же принадлежал к «желтой», более низкой, по мнению Гитлера, расе, было не с руки. Наводнившие в последнее время Берлин теоретики расового превосходства доказывали, что праотцами арийцев были легендарные атланты и лемурийцы, некогда жившие в Тибете. Там, в заоблачных вершинах, находилась легендарная Шамбала с ее знаменитым монастырем Гаругем, где якобы и хранились доказательства тибетских корней арийской расы. Кроме того, монахи Гаругема могли знать секрет вечной молодости, а фюрер мечтал править пусть не вечно, но долго.

Японцы находились к Тибету ближе, чем Германия. Поэтому Гитлер очень хотел заручиться поддержкой японских властей при отправке научной экспедиции в Тибет.

Германская разведка, успешно работающая как против врагов рейха, так и против его союзников, докладывала в

Берлин помимо прочего и информацию о планируемой Японией военной операции в Тибете. Было не исключено, что тайное общество «Черных драконов» имело определенные контакты с тибетскими ламами. О чем они договаривались, для Гитлера оставалось загадкой. И это его пугало.

Будучи от природы человеком мнительным, канцлер всегда восхищенно относился ко всякого рода тайным обществам, священным обрядам и ритуалам. Может быть, поэтому многие нацистские партийные мероприятия были больше похожи на грандиозные спектакли с использованием, как сегодня принято говорить, спецэффектов.

Гитлер все никак не мог начать разговор о волнующей его теме. Он искал удобного момента, но его все не было. Поэтому говорили о сакуре, о Фудзияме, о мощных цунами, которые обрушивались на Японские острова. Повод для начала нужного канцлеру разговора дал сам принц Ито. После того как официанты разлили по бокалам коктейль, состоящий из ликера Куантро, лимонного сока и коньяка Ритц 1830 года, японский гость встал из-за стола и преподнес фюреру подарок императора. Это был древний самурайский меч. Принц взял в руки бокал и произнес тост:

- Пусть это великое оружие принесет господину канцлеру и Германии великую победу!

Подарком Гитлер остался доволен. Поблагодарив принца за столь щедрый подарок, он попросил его рассказать о самураях...

Ужин закончился далеко за полночь. Гитлер ликовал. Пусть он договорился с японцами о военном взаимодействии не против всех врагов, а только против России, но принц Ито гарантировал полную поддержку «Черных драконов» германской научной экспедиции, которая должна была отправиться в Тибет. «Об англосаксах договоримся позже, - размышлял он, - зато скоро великие секреты Шамбалы будут открыты и поставлены на службу рейху».

По мраморной лестнице фешенебельного вашингтонского отеля «Эмбаси сьютс» спускался стройный, элегантно одетый мужчина, источающий запах дорогого парфюма. Он был в той поре мужской зрелости, когда ему на вид можно было дать и 50, и 60 лет. Его седеющие прямые волосы, зачесанные назад, были еще достаточно густы и свидетельствовали о том, что их обладатель в молодости имел густую шевелюру. На свежевыбритом лице красовались пышные усы, тоже седеющие, но по-молодецки закрученные вверх.

В вестибюле отеля мужчина поздоровался с консьержем и положил на стойку ключ от своего номера.

- Джон, для меня почты не было? - спросил он.

- Нет, мистер Карлайн, пока ничего не было, - улыбаясь ответил консьерж.

- Как там сегодня погода?

- Замечательная, сэр. По радио передали 48 градусов*, дождя не ожидается.

* 48 градусов по Фаренгейту - 9 градусов по Цельсию.

- Да? А я с собой зонт прихватил.
 - Так оставьте его здесь, а когда вернетесь - заберите.
 Мужчина, задумавшись на мгновение, ответил:
 - Нет уж. Этим синоптикам только верить. Обещают солнце, а попадешь под дождь.
 - Это точно, мистер Карлайн. Синоптики, как саперы, ошибаются один раз, но каждый день.

Рассмеявшись удачной шутке консьержа, мужчина направился к выходу. Чернокожий швейцар в парадной ливрее открыл перед ним дверь, и мужчина оказался на улице.

В Вашингтоне наступила пора весеннего пробуждения природы. По узким улочкам дружно бежали ручейки, в кронах проснувшихся деревьев щебетали птицы. В скверах в поисках проросших желудей в прошлогодней листве копошились многочисленные белки. Неслучайно, наверное, именно на эту пору приходилось празднование в США Дня Святого Валентина, который отмечался сегодня, 14 февраля.

Целью «прогулки» Кэвина Карлайна, а именно под этим именем в американской столице неделю назад появился сотрудник иностранного отдела НКВД СССР Иван Владимирович Верещагин, была площадь Дюпона, где должна была состояться его встреча с резидентом советской нелегальной разведки в США, проходившим в оперативной документации центра под псевдонимом «Юнг». И хотя место встречи находилось всего в двадцати минутах ходьбы по улице N*, Карлайн повернул в противоположную сторону, к площади Вашингтона. Этого требовали правила конспирации. Дойдя до величественного памятника первому американскому президенту, Верещагин перешел на Пенсильвания авеню и направился к Белому Дому.

Праздник всех влюбленных был в самом разгаре. Из дверей многочисленных кафе раздавалась музыка Уильяма Хэнди и Джелли Мортон. Вместе с музыкой на улицу доносился и аромат жареного кофе.

На каждом шагу Карлайну попадались большие и маленькие группы молодых людей, которые громко смеялись от переполняющего их счастья. У многих на груди были прицеплены красные картонные сердечки и голубки. «Влюбленные, наверное, одинаковы во всех уголках света, - думал Карлайн, сам невольно улыбаясь смеющимся молодым людям. - Так же смеются влюбленные и в России, и в Китае, и в Германии. Может быть, они оттого и счастливы, что пока еще молоды и не знают, что счастье - очень хрупкая вещь, которое может быть разрушено в одну минуту?»

Размышляя обо всем этом, Карлайн дошел до 17-ой улицы и остановился на трамвайной остановке. Он пропустил два трамвая, идущих в сторону площади Дюпона, а когда третий трамвай уже тронулся, Карлайн заскочил на

подножку, отметив при этом, что никто его примеру не последовал. Значит, «хвоста» не было. Собственно, пока слежки вроде бы и не должно было быть. В Америке он впервые. Прямых контактов с советской агентурой у него пока еще не было, а респектабельный английский бизнесмен с подлинными документами и визами, тремя днями раньше поднявший на Арлингтонском кладбище на могиле «своего дяди» Сэма Карлайна записку с указанием места и времени сегодняшней встречи, вряд ли мог привлечь внимание американских спецслужб. Но осторожность в разведке лишней не бывает. Поэтому Карлайн вышел из трамвая, не доехав одной остановки до площади Дюпона, и зашел в антикварную лавку на улице М.

Поздоровавшись со стареньким продавцом-евреем, он попросил показать ему монеты, которые имелись в продаже. Продавец извлек из витрины весьма богатую нумизматическую коллекцию. Карлайн, понимающий толк в старинных монетах, стал внимательно разглядывать раритеты. Делал он это не только ради интереса, но и для того, чтобы потянуть время. На площади он должен был появиться за 15 минут до назначенной встречи. Наконец, выбрав серебряный доллар 1874 года, он рассчитался с продавцом и вышел на улицу.

Было заметно, что в сторону площади Дюпона двигалось большое количество людей. И это было связано не с празднованием Дня Святого Валентина, а с тем цирковым представлением, которое должно было начаться в громадном шатре на площади Дюпона через полчаса. Изюминкой этого циркового шоу было выступление Пауло Пинона, который от природы имел существенный физический дефект и теперь зарабатывал на публичной демонстрации этого дефекта солидные деньги. Ажиотаж вокруг уроды был весьма значительным. Всем хотелось посмотреть на ... вторую голову Пауло. Собственно, исходя именно из этого ажиотажа, Юнг и назначил место и время встречи со связным из центра. В такой толпе было легче затеряться.

Карлайн влился в людской поток,двигающийся в сторону площади Дюпон, и вскоре оказался на месте.

Он остановился у афишной тумбы, разместившись так, чтобы его было незаметно со стороны улицы, достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. До назначенной встречи оставалось ровно 15 минут. Пока можно было осмотреться. Народ все прибывал и прибывал. По-праздничному одетые люди покупали на входе в цирковой шатер программки и пакетики попкорна и торопились занять свои места в амфитеатре.

На противоположной стороне улицы внимание Карлайна привлекла одна пара. Он был уже не юн, о таких в былые времена говорили «не юноша, но муж». В петлице стильного пиджака мужчины красовалось красное сердечко. Рядом с ним под руку шла эффектная светловолосая девушка. Парочка о чем-то весело разговаривала и смея-

* Вашингтон имеет четкую прямоугольную планировку, параллельные улицы обозначаются латинскими буквами, а перпендикулярные - цифрами; от Капитолийского холма в виде лучей расходятся несколько широких авеню (Ньюджерси авеню, Пенсильвания авеню и др.)

лась. Эти двое мало чем отличалась от других влюбленных пар, которые были в этот теплый весенний вечер повсюду. Узковатый разрез глаз и смуглая кожа выдавали в молодом человеке потомка китайцев или японцев, некогда перебравшихся на американский континент и «переварившихся» в многонациональном американском котле. Между тем таких предков в родне молодого человека никогда не было. Он был чистоковным... татарин, рожденным в далеком старинном уральском городке Троицке. Это был Исхак Абдулович Ахмеров, тот самый Юнг, встречи с которым дожидался Верещагин.

«Во дает! Неужели он меня засветит перед этой девочкой? А может, это очередной спектакль, на которые Юнг всегда был способен?» - подумал Карлайн. Его восхищали артистические способности этого парня еще с тех времен, когда они вместе работали в Китае. Однажды в Поднебесной артистизм Юнга спас им обоим жизнь. И, наверное, в немалой степени актерский талант Ахмерова способствовал тому, что здесь, в Америке, за короткий срок была создана весьма эффективная сеть разведчиков-нелегалов, с которой, сами того не подозревая, сотрудничали весьма влиятельные люди. Верещагин об этом знал, но опасение быть засвеченным его не покидало.

А парочка меж тем остановилась у газетного киоска. Девушка заботливо и... нежно поправила Юнгу галстук и сердечко в петлице, совсем по-детски встала на цыпочки и, чмокнув его в щеку, развернулась и быстрым шагом зашагала на трамвайную остановку. А он стоял и смотрел ей вслед. По его лицу блуждала счастливая улыбка. Девушка, заскочив в подошедший трамвай, махнула ему рукой. Отчего Ахмеров еще больше стал улыбаться.

Вся эта сцена не ускользнула от внимательного взгляда Верещагина. «Неужели он влюбился?! - подумалось ему - Этого еще не хватало. При его-то работе и риске. Хорошо, если эта девчонка не связана с американской разведкой. Но какой риск для них обоих!»

Трамвай, звякнув на перекрестке, повернул на Массачусетс авеню и скрылся за поворотом. Юнг, постояв еще мгновение, достал из кармана свежий номер журнала «Тайм» и, держа его в правой руке, направился к чугунному столбу, на котором часы показывали без пяти минут пять после полудня.

Верещагин, как и было оговорено в записке, сунул под правую руку такой же номер журнала «Тайм», и, держа в левой руке зонт, направился навстречу Юнгу. Эти «маркеры» были знаком, что опасности нет. «Хвоста» не было и за Ахмеровым. В этом Верещагин сам убедился, наблюдая со стороны «сцену прощания влюбленной парочки».

Они встретились там, где и договаривались. На лице Юнга просияла «удивленная» улыбка. Он воскликнул радостно:

- Мистер Карлайн!

- О, Билли, рад тебя видеть, - отозвался связной.

Обоим очень хотелось обняться. Но здесь не Москва, а Вашингтон. У американцев не принято бурно проявлять свои эмоции. Поэтому разведчики ограничились крепким рукопожатием.

- Вы тоже в цирк?

- Да вот, решил взглянуть на этого уroda.

- Тогда нужно поторопиться, через две минуты начало.

- Побегали. Как твоя учеба, малыш? - на ходу спрашивал «заботливый знакомый родителей студента Колумбийского университета».

- Все о'кей. Как поживает тетя Пэтти?

- Тоже ничего, только побаливать стала.

Болтая, мужчины вошли в уже темный зал. Билетер, взяв у них билеты, показал свободные места. Пара запоздавших зрителей, шепотом извиняясь за причиняемые неудобства перед публикой, уже занявшей свои места в зале, протиснулась на два свободных места в двенадцатом ряду.

А на сцене началось представление. Сменяя друг друга, на арене выступали акробаты, клоуны, дрессировщики со своими марышками и собачками...

В темноте Верещагин расстегнул зонт и положил его между собой и Юнгом.

Публика хохотала над очередным приколом клоунов. А в это время рука Юнга извлекла из зонта тонкую металлическую трубку. Молодой человек тоже смеялся над клоунадой и «нечаянно» уронил журнал «Тайм» на пол. Он наклонился за журналом, и металлическая трубка оказалась плотно зажатой под штаниной. Выпрямившись, молодой человек сказал Карлайну:

- Вон та толстая клоунесса похожа на нашу соседку Синди. Такая же неуклюжая и ворчливая.

- О, точно. А я все думал, на кого она похожа, - ответил связной, в очередной раз восхищаясь артистизмом Юнга.

А меж тем ведущий объявил о выходе на сцену Пауло Пинона. Зал замер в ожидании. Из-за занавеса выехала повозка, запряженная осликом. В повозке восседал «индийский паша» с большим тюрбаном на голове. «Паша» начал молотить всякую чушь в стихотворной форме. Дрессированный осел начал громко кричать, давая, видимо, понять «поэту», что все его стихи - ерунда.

- Да, что-то я говорю не то, - согласился Пауло. - Видимо, одной головы мало, чтобы написать поэму.

Он начал разматывать свой тюрбан, и изумленной публике явилась вторая голова Пауло. Она «сидела» на макушке своего хозяина*. Зал ахнул. А «голова» шурилась под лучами софитов, а потом, видимо, привыкнув к яркому свету, начала тарашиться на зал вполне осмысленным взглядом.

* Существование такого редкого уродства - исторический факт. Оно относится к так называемым «тератомам» и развивается вследствие неполного разделения близнецов. (Не путать с сиамскими близнецами). Частота встречаемости уродства - 1 случай на 1 млн. родов. Судьба таких инвалидов печальна. Организм «хозяина» умирает из-за гибели тератомы и развившегося вследствие этого заражения крови. Пауло П. скончался в США в 1954 году.

Пауло начал декламировать «Песнь о себе» Уолта Уитмена. Читал он превосходно. Осел радостно закивал головой, а «вторая голова»... начала зевать.

Зал рукоплескал. Люди соскакивали с мест и кричали «браво». Со своего места поднялся Юнг и крикнул: «Супер! Bravo!».

Это был сигнал Верещагину, контейнеры с фотопленкой, на которой было заснято с полсотни секретных документов, были спрятаны в зонте.

«И когда успел этот умница их туда засунуть?» - удивился Карлайн.

Представление закончилось. Публика расходилась, продолжая восторженно обсуждать только что увиденное.

Юнг вышел со своим спутником на улицу. Они медленно дошли до трамвайной остановки. Им многое нужно было сказать друг другу. Но место было неподходящим. Единственное, что спросил Карлайн, было:

- Ты жениться, Билли, не собираешься?

- Ой, мой трамвай идет, - после минутного молчания сказал Юнг, - потом все обсудим.

Он заскочил на подножку трамвая и весело крикнул:

- Рад был увидеться, дядя Кэвин. Передавайте всем привет.

- Удачи тебе, Билли! – Верещагин помахал рукой своему другу, которого трамвай уносил в ночной Вашингтон.

«Любовь нечаянно нагрянет...». Эти строки из утесовского шлягера 30-х годов как нельзя лучше подходили для описания чувств, которые переполняли Юнга все последние месяцы.

Любовь, как обычно бывает, не спросила разрешения на свое появление. Она пришла внезапно, не выбирая ни места, ни времени.

Скоро ему стукнет 40 (по американскому паспорту ему было всего 30 лет), но так страстно он еще никогда не влюблялся. Собственно, влюбляться-то ему было и некогда. Его жизнь, полная тревог и скитаний, не давала долго засиживаться на одном месте. Разве мог догадываться семнадцатилетний татарский юноша Исхак Ахмеров, работавший после Февральской революции приказчиком мануфактурной лавки в городе Казани, что за тридцать земель от Татарии в Америке родилась его вторая половинка, которую он найдет за океаном через 20 лет?

Юнг прибыл в США в не самые лучшие времена для советской резидентуры. В 1934 году в Нью-Йорке при таинственных обстоятельствах погиб советский резидент-нелегал Валентин Маркин. По единственной официальной

версии^{*}, он стал случайной жертвой очередной гангстерской разборки. После внезапной гибели Маркина работа резидентуры в США заглохла. Многие агенты, имевшие связь непосредственно с резидентом, попросту «потерялись».

Для восстановления работы разведчиков-нелегалов за океаном в США был направлен опытный разведчик Борис Яковлевич Базаров (оперативный псевдоним «Кин»). Он-то и встречал в Нью-Йоркском порту апрельским днем 1935 года скоростной теплоход «Нормандия», на котором под видом студента Билла Грейнке, мечтавшего продолжить свое образование в Колумбийском университете, в Америку прибыл Исхак Ахмеров, за плечами которого уже были длительные командировки в Турцию и Китай.

А потом началась кропотливая работа по восстановлению порушенных и созданию новых оперативных связей. За короткий срок нелегальная резидентура в США смогла привлечь к работе^{**} немало ценнейших агентов, которые имели доступ к самым большим тайнам американского правительства. Полученная Центром информация имела колоссальное значение для понимания высшим политическим руководством СССР процессов, происходящих не только в США, но и во всем мире, так как нередко разведчики передавали в Москву засекреченные дипломатические материалы госдепартамента США, касающиеся стран «оси». От источника в окружении президента Рузвельта Юнг получал уникальную информацию о позиции правящих кругов США накануне начала мировой войны.

В 1938 году Кин выхлопотал себе в Центре долгожданный отпуск. Уезжая из Америки, Базаров «оставил на хозяйстве» Ахмерова. Планировалось, что через два месяца резидент вернется. Но вскоре из Москвы пришла шифрограмма, в которой говорилось, что Кин отбыл в длительную командировку в другую страну и резидентом-нелегалом в США назначается Юнг. Тогда молодой разведчик не мог знать, что Борис Яковлевич Базаров по прибытии в Москву был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германии и Франции. Он также не мог догадываться и о том, что в связи с арестом резидента «тучи сгустились» и над всей нелегальной резидентурой в США...

А Юнг продолжал работать. «Хозяйство» было большим. В нелегальной резидентуре в то время уже официально работало 6 человек. Информация поступала из 10 источников. Материалы лились сплошным потоком. Совместно с легальной резидентурой^{***} Юнг едва успе-

* Советский разведчик Вальтер Кривицкий, ставший в 1937 году невозвращенцем, позднее вспоминал, что при беседе с руководителем внешней разведки СССР того времени А. Слуцким последний назвал В. Маркина троцкистом. Из чего В. Кривицкий сделал вывод, что Маркин стал жертвой не гангстеров, а сотрудников НКВД. Но другими доказательствами этой версии автор не располагает.

** Следует отметить, что многие источники информации разведчиков-нелегалов в США никогда не были штатными сотрудниками НКВД, некоторые из них и не догадывались, что «работают» на советскую разведку. А те, кто знал, кому предоставляется информация, чаще всего сотрудничали с разведкой не за финансовое вознаграждение, а по своим идейным убеждениям.

*** В те годы официальным резидентом советской разведки в США был Петр Гутцайт.

вал обрабатывать полученные сведения и отправлять их в Центр. Нередко агенты, не имея опыта разведывательной деятельности, старались скопировать и сфотографировать как можно больше секретных документов, чем ставили себя в очень опасное положение. Поэтому Юнгу приходилось тактично сдерживать искренние порывы новичков и учить их азам конспирации.

В первый год своего пребывания Юнг познакомился с молодой девушкой Хелен Лаури. Их знакомство не было случайным. Будучи убежденной коммунисткой, Хелен была рекомендована легальной резидентурой для привлечения ее к сотрудничеству с разведчиками-нелегалами. Вскоре она стала фигурировать в оперативных материалах иностранного отдела НКВД под псевдонимом «Ада». Девушка оказалась смысленной. Начиная как содержательница одной из конспиративных квартир Юнга, Ада вскоре стала помогать ему и в оперативной работе. Она часто самостоятельно выходила на задания резидента, передавала секретные материалы в полпредство СССР в Вашингтоне, готовила документы для вновь прибывающих сотрудников нелегальной резидентуры...

Но однажды наступил момент, когда Юнг понял, что влюбился. Он стал замечать за собой «странности». То встречи с агентами назначались на квартире, которую содержала Ада, то вдруг, испугавшись, что он подвергает девушку опасности, встречи переносились в другие места. Он стал беспричинно волноваться, если Хелен ненадолго задерживалась после очередного задания. Его стало раздражать, когда девушка, по его мнению, чересчур громко смеялась, разговаривая с другими мужчинами. Он ревновал. Поняв это, Юнг испугался. Испугался и за себя, и за Аду. Он прекрасно понимал, что их ждет в случае провала. Несомненно, такому союзу не обрадовались бы и в Центре. Юнг гнал от себя «всю эту ерунду», но «ерунда» не отпускала. И тогда он решился признаться Хелен в своих чувствах. Каково же было его удивление, когда Ада после услышанного робкого признания, рассмеявшись, сказала: «Ну, наконец-то, я думала, ты никогда не решишься».

...Юнг подошел к двухэтажному дому в тихом переулке между 7-ой и 9-ой улицами. Он поднял глаза на угловые окна, где через задвинутые шторы пробивался луч света. Улыбаясь, Юнг тихо открыл ключом входную дверь и, стараясь не шуметь, поднялся на второй этаж. В гостиной, сидя за столом и облокотившись на руки, мирно спала его Лена (так Юнг называл Хелен, когда они были одни). Он невольно залюбовался ее лицом, растрепанными белокурыми волосами. А она, видимо, почувствовав устремленный на нее взгляд, открыла глаза и радостно улыбнулась.

- Ужинать будешь? – спросила она.

- Нет, я поел, – ответил Юнг, подходя и целуя девушку.
 - Все нормально?
 - Да, все о'кей. Ты иди спать, а я еще поработаю.
 Хелен, привыкшая не задавать лишних вопросов, пожелала Юнгу спокойной ночи и ушла в спальню.
 Юнг, погасив свет в гостиной, перешел в кабинет. Прикрыв за собой дверь, он сел в кресло. «Что же нам с Леной делать?» - думал он. - Был бы здесь Кин, он уж что-нибудь бы придумал».

Знал бы Юнг, где в это время находился его друг и наставник! Он сидел в Лефортовской тюрьме, где ровно через неделю состоится суд, и его расстреляют как вражеского шпиона и изменника родины*.

«Конечно, можно было бы посоветоваться с Иваном Верещагиным, - продолжал думать Юнг, - но он ведь совершенно не знает Лену».

Он тяжело вздохнул, снял пиджак и приступил к дешифровке шифрограмм, полученных из Центра через Кэвина Карлайна. Для работы ему потребовался сборник пьес Юджина О'Нила, изданный в Бостоне в 1935 году. Юнг достал его из книжного шкафа, пролистав, нашел пьесу «Долгий день уходит в ночь» и приступил к дешифровке.

Закончив, Ахмеров прочитал получившиеся тексты: «Клим** Юнгу. Информация, направленная вами ранее, руководством признана первостепенной. Для уточнения позиции США в отношении Китая и Японии просим выяснить объемы финансовой помощи, оказываемой правительством США правительству Японии. Особое внимание следует уделить выявлению возможных поставок вооружений и военных технологий. Клим».

«Клим Юнгу. Просим уточнить позицию госдепартамента по вопросу возможного заключения англо-германского соглашения о взаимном нейтралитете и англо-японской декларации по урегулированию взаимных претензий, связанных с захватом Японией английской концессии в Тяньцзине. Необходимо также выяснить наличие данных о готовности правительства Франции предоставить «свободу действий» Германии в Восточной Европе в части передачи Данцига*** Германии и создания «коридора» между Восточной Пруссией и рейхом. Клим».

«Клим Юнгу. Прошу постоянно отслеживать позицию Конгресса США по вопросу нейтралитета в решении вопросов урегулирования ситуации в Европе и Азии. Клим».

Прочитав шифрограммы, Ахмеров задумался. В последнее время поток запросов из Центра нарастал.

* Б.Я.Базаров 21 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР был осужден по ст.ст. 58-1а, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. 22 декабря 1956 года реабилитирован посмертно.

** Клим - оперативный псевдоним начальника американского отдела иностранного отдела НКВД Виталия Григорьевича Павлова.

*** Данциг (польское название - Гданьск) - республика, провозглашенная после подписания Версальского мира и находящаяся под протекторатом Лиги Наций. В 1939 году площадь города (с прилегающей территорией) - 1892 кв.км, население - 407 тыс. человек.

Чувствовалось, что ситуация в мире напряжена до предела.

В Европе война только разгоралась, а в Азии она уже шла. 7 июля 1937 года Квантунская армия вторглась в Китай. Предлогом для начала войны стало вооруженное столкновение между японскими и китайскими солдатами в районе моста Лутоуцзяо в Пекине. Эту провокацию устроили сами японцы, которые были мастерами на подобные вещи. За короткий срок японцы захватили важнейшие торгово-промышленные центры Поднебесной. Пали Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Калган и другие города. И хотя падение этих крупнейших центров торговли напрямую задевало коммерческие интересы Англии, Франции и США, они не торопились с осуждением агрессора и принятием адекватных мер в отношении Японии. В ноябре 1937 года в Брюсселе была созвана международная конференция по урегулированию ситуации в Китае. В ней приняли участие 9 стран, в том числе и СССР. Германия и Япония от своего участия в конференции отказались. Три недели дипломаты вели дискуссию, но ни к какому результату не пришли. СССР настаивал на коллективных мерах безопасности, направленных против агрессора. Английская и французская делегации предлагали Советскому Союзу, имеющему общую границу с Китаем, решать эту проблему в одиночку. Дипломаты фашистской Италии попросту одобрили японскую агрессию. Американцы сослались на свой «закон о нейтралитете» и не стали вмешиваться в конфликт. Китайская делегация при поддержке советских дипломатов предлагала ввести против Японии международные экономические санкции, что позволило бы существенно подорвать экономику агрессора, полностью зависящую от экспорта стратегического сырья. Но и это предложение осталось без внимания делегаций западных стран.

А между тем в самой Японии была развернута широко-масштабная пропагандистская компания под лозунгом «Азия для азиатов», направленная на расширение агрессии. Эта доктрина стала пропагандироваться даже в японских школах и вузах. В учебные программы был введен такой предмет как геополитика. Детям и молодежи втолковывалось, что Япония, выполняя историческую миссию, обязана создать великую азиатскую империю. Повсеместно была распространена карта «Соседи Японии», состоящая из пяти концентрированных кругов: в центре - Токио, первый круг - сама Япония; второй - острова в Тихом океане, Корея, Маньчжурия и часть

Монголии; третий - Северный Китай, Дальний Восток и часть Сибири; четвертый - остальной Китай, Индокитай, Гавайские острова, Борнео; пятый - Австралия, западные берега Канады и США.

В том же курсе геополитики отмечалось, что Маньчжурия и Монголия никогда не имели отношения к Китаю. Это якобы доказали японские историки, этнографы и археологи.

Экономика Японии встала полностью «на военные рельсы». Военное производство за четыре года увеличилось более чем в 3 раза.

В то же время правительства Англии и Франции всеми силами пытались заключить двусторонние соглашения о нейтралитете с Германией. Особо в этом преуспели английские дипломаты. Еще в ноябре 1937 года председатель тайного королевского общества Великобритании, а в прошлом вице-король Индии, лорд Э. Галифакс во время встречи с Гитлером, выполняя поручение премьера Чемберлена, отметил заслуги фюрера в уничтожении «коммунистической заразы» в Германии. Галифакс ни много ни мало заявил: «Германия может по праву считаться бастионом Запада против большевизма». Он дал понять Гитлеру, что английское правительство готово дать свободу действий Германии в Центральной и Восточной Европе при условии уважения Германией целостности Британской империи. Более того, Англия была готова предоставить правительству Гитлера крупный кредит с минимальной процентной ставкой сроком на 40 лет.

А в США 31 августа 1935 года Конгресс принял «закон о нейтралитете», по которому запрещалась продажа и перевозка вооружения тем странам, которые будут объявлены президентом находящимися в состоянии войны. 9 февраля следующего года Конгресс принял дополнения к «закону...», которые запрещали США предоставлять займы воюющим странам. А поправки, принятые Конгрессом 1 мая 1937 года, еще более расширили возможности "запрещения" вывоза оружия. Отныне введение такого запрета зависело лишь от президента, определявшего наличие состояния войны между иностранными державами. Вместе с тем президенту предоставлялось право по личному усмотрению устанавливать номенклатуру товаров (кроме военных) для экспорта из США в воюющие страны за наличный расчет и при доставке товаров к месту назначения самим покупателем.

На практике «закон о нейтралитете» нанес ущерб прежде всего Китаю, не имевшему своего флота для доставки

* 18 сентября 1931 года в 10 часов вечера в Лютяогоу, севернее Мукдена, произошел небольшой взрыв. Лишь очень немногие обратили на него внимание, но даже они решили, что происходят очередные маневры японских войск, продолжавшиеся в течение нескольких дней. Однако этот взрыв, инсценированный самими же японцами как акт диверсии, стал поводом для вторжения японских войск в Маньчжурию. В течение 12 часов оккупация была завершена. На оккупированных территориях было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с последним китайским императором Пу Ло.

** Еще в марте 1953 года во время визита лорда-хранителя печати А.Идена И.В.Сталин, отвечая на реплику лорда о громадных размерах Советского Союза и скромных размерах маленького острова, который называется Великобритания, сказал: «Да, маленький остров, но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла, - мир в Европе был бы обеспечен».

товаров в свои порты. Япония же, наоборот, обладая мощным торговым флотом, могла ввозить без всяких ограничений американское стратегическое сырье и фабрикатy. «Закон о нейтралитете» создавал Японии такие условия, при которых она могла вести войну с Китаем и готовиться к большой войне против СССР, не опасаясь США.

И хотя к 1939 году, когда агрессия стран «оси» приняла отчетливый характер и позиция «нейтралитета» и «невмешательства» критиковалась в США, официальный курс американской внешней политики мало менялся*...

Ахмеров посмотрел на часы, стрелки показывали 3 часа 15 минут. Он еще раз перечитал шифрограммы, собрал все бумаги, лежащие на столе и тихо, чтобы не разбудить Хелен, перешел на кухню. Сняв бумагу, Юнг поджег ее на металлическом подносе. Наблюдая за пламенем, он вновь подумал: «Что же нам с Леной делать?».

Бумага догорела. Юнг осторожно ссыпал пепел в мусорное ведро и направился спать. Завтра ему и Хелен предстоял трудный день.

...Трибуны Нью-Йоркского ипподрома ревели. Бейсбольная команда «Нью-Йорк янкиз» была близка к тому, чтобы разгромить другого фаворита Национальной лиги - «Бруклин доджерс».

Старый ипподром за свою историю повидал многое. Помимо своего спортивного назначения он нередко использовался и как площадка для проведения политических митингов, благо, что его трибуны вмещали 10 тысяч зрителей. В 1936 году именно здесь выступал президент Франклин Делано Рузвельт, выдвигавшийся на свой второй президентский срок. Тогда произнесенная на ипподроме речь принесла ему победу на выборах, а сам Рузвельт установил своеобразный рекорд: за его кандидатуру было отдано 523 голоса выборщиков.

А в 1937 году здесь выступал Лев Троцкий со своей пламенной речью, которая чуть позже будет опубликована под многозначительным названием «Я обвиняю!»^{*}. Ахмеров помнил^{*}, какое тяжелое впечатление на него произвели слова опального революционера: «Почему Москва так боится голоса одного человека? Только потому, что я знаю правду... Я готов представить в международную комиссию расследований документы, факты и свидетельства, в которых и скрыта правда... если комиссия решит, что... я виноват, я добровольно отдам себя в руки ГПУ... Но если комиссия найдет, что процессы в Москве^{***} - это сознательная и преднамеренная провока-

ция, то я потребую от своих обвинителей занять место на скамье подсудимых».

Все это невольно вспомнилось Юнгу сегодня, 25 апреля, на ипподроме, где у него была назначена встреча с самым, пожалуй, важным своим источником, Гарри Декстером Уайтом.

Уайт, как истинный американец, очень любил бейсбол и был заядлым болельщиком. Он старался, насколько это ему позволяла государственная служба, бывать на бейсбольных матчах. В силу такой «любви» Гарри к бейсболу, Юнгу пришлось тоже овладевать познаниями в этой спортивной игре, которую в начале своего пребывания в США он совсем не понимал. Ему казалось, что это состязание, отдаленно напоминающее русскую лапту, лишено всякого смысла. Но когда однажды Уайт сказал: «Если американец не любит бейсбол, то он - не американец», Ахмерову стало ясно, нужно досконально знать эту игру. Так что теперь они на равных могли говорить на тему бейсбола. Их связывала и еще одна общая увлеченность - культурой Востока.

Они познакомились в мае 1937 году в читальном зале библиотеки Конгресса США. Юнг ходил сюда по двум причинам. Во-первых, здесь были собраны уникальные книги со всех концов света, и ему, не только «прилежному студенту» но и действительно увлеченному человеку, было очень интересно узнать то, чего он еще не знал. Вторая причина была более прозаической: в библиотеке Конгресса можно было знакомиться с людьми, в услугах которых очень нуждалась советская резидентура.

Ахмеров, от природы обладающий обаянием и общительностью, сразу привлек внимание Уайта. Было заметно, что этот парень - завсегдатай библиотеки. Пожилые тетеньки, работающие здесь, были весьма приветливы с ним и кокетливо смеялись, когда он о чем-нибудь шутил. Гарри обратил внимание и на тематику книг, которые выбирал этот метис. Все они касались истории и культуры стран Востока, прежде всего Китая и Японии. Уайт, сам интересующийся Востоком, решил познакомиться с этим незнакомцем.

Сверстникам всегда знакомиться легче, чем людям различного возраста. Поэтому знакомство двух молодых людей, состоявшееся в курилке крупнейшей библиотеки, прошло легко. После первой встречи они довольно часто виделись. Уайта весьма заинтересовали познания Юнга в повседневной жизни китайцев, которые он почерпнул, обучаясь в американском колледже в Пекине^{****}.

Юнг, поняв, КТО стал его знакомым, поначалу был

* Подводя итоги Брюссельской конференции, 30 ноября 1937 года американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Миру дано было знать, что Соединенные Штаты стоят в стороне, спасая свою собственную шкуру от непосредственно грозящих опасностей; диктаторам дано было почувствовать, что группа американцев, руководящая политикой США, готова лицемерить переделку мира на фашистский лад, не вмешиваясь в это и, очевидно, не понимая, что такая переделка представляет в конце концов опасность для нас же самих».

** По роду своей деятельности резидентура по заданию Центра в те годы отслеживала все передвижения Троцкого. Его выступления, статьи, интервью по дипломатическим каналам переправлялись в НКВД.

*** Политические процессы 1937 года.

**** Под видом турецкого студента с 1932 по 1934 гг. Юнг жил и работал в Китае.

насторожен. Никто не мог дать гарантии, что так к нему не подкрадывалась американская контрразведка.

Связавшись с официальной резидентурой, работающей «под крышей» советского полпредства, Ахмеров попросил своих коллег навести об Уайте справки. Вскоре в тайнике, расположенном в дамской комнате кинотеатра на Виржиния авеню, Ада обнаружила шифровку, в которой в тот же вечер Юнг прочитал:

«Гарри Декстер Уайт - выходец из еврейской семьи, эмигрировавшей из России в 1885 году. Окончил Колумбийский университет. С 1931 года работает в министерстве финансов США. Не скрывает своих антифашистских взглядов, сторонник отмены «закона о нейтралитете». По его предложениям в данный закон были внесены поправки, расширяющие полномочия президента. Женат, имеет 2 детей».

И вот сегодня этот парень, внешне больше похожий на преподавателя какого-нибудь колледжа, а не на чиновника высокого ранга, свистел и кричал, азартно болея за «Нью-Йорк янкиз».

- Давай! Давай! - кричал он, подбадривая лучшего игрока Восточного побережья Брайдана Рута, делавшего очередную круговую пробежку.

Запахавшись от усердия, Гарри плюхнулся на свое место.

- Передохни, - сказал ему Юнг.

- Завидую я тебе, Билли. Как ты можешь спокойно смотреть на такую игру?

- Да чего так кипятиться-то, ведь игра уже выиграна.

- Азарт не поддается логическому объяснению, - весело оправдывался Уайт.

- В Китае я бывал на петушиных боях. Там делают денежные ставки, как у нас на ипподромах. Уже давно император установил правило: в одном помещении можно проводить не более 10 боев...

- А почему?- Гарри всегда нравились вот такие «мелочи» в рассказах Юнга.

- Да потому, что если бы бои проводились без ограничений, то никто бы не работал. И домой бы болельщики возвращались без гроша в кармане. Настолько они азартные.

- Ну вот, видишь, я не одинок в своих порывах.

...Через полчаса после окончания матча они уже сидели в небольшом ресторанчике. Уплетая за обе щеки аппетитных лобстеров, они разговаривали о Японии. Уайту нравились такие разговоры с Биллом, в них он черпал много интересного и, наверное, оттачивал свою точку зрения для подготовки своей очередной аналитической справки для министра финансов Генри Маргентау.

- Сегодня Япония, как, впрочем, и всегда, очень сильно зависит от импорта, - говорил он. - Ее промышленность практически полностью зависит от поставок сырья из-за рубежа. Поэтому для получения своей экономической

независимости ей как воздух нужно расширение жизненного пространства...

- Ты прав, но не за счет же других, - отвечал Юнг.

- А я японцев и не оправдываю. Я просто констатирую, что война в Азии будет расширяться.

- А Америка будет за этим наблюдать со стороны, - подначивал Уайта Ахмеров.

- Вот это-то и раздражает. Наши конгрессмены, надев на себя маску миротворцев, всячески мешают президенту. Самое интересное, за спинами изоляционистов стоят наши толстосумы. С одной стороны, они ратуют за невмешательство в дела Европы и Азии, а сами напикивают и японцев, и немцев ресурсами.

- У монголов есть старая легенда. Всевышний решил подарить копытным рога. Самые красивые рога он решил отдать доброму верблюду. Но когда раздача рогов закончилась, выяснилось, что рогов не досталось оленю. Он пришел к доброму верблюду и стал просить: «Одолжи мне рога на один вечер, я иду на бал, там будет много козочек, как я могу явиться к ним без рогов? Завтра я тебе верну их». Добрый верблюд рога оленю отдал, а тот взял да и не вернул их хозяину. Верблюд их ждет по сей день. А Всевышний, чтобы наказать оленя, сделал так, что один раз в году он свои рога теряет.

- Вот-вот. И нас японцы когда-нибудь надурят. Рузвельт правильно говорит, что в наше время никаким договорам верить нельзя. Самый надежный договор - это сильный военно-морской флот.

...Вскоре Юнг, обобщив информацию, полученную от различных источников, направил в Центр шифрограмму: «Юнг Климу. По данным источников в министерстве финансов и госдепартаменте, американские капиталовложения в Японии составляют примерно 500 миллионов долларов. Из них 178 миллионов вложены в японские промышленные компании, что, по мнению источников, дает возможность американцам диктовать свои условия японцам. Основными японскими компаниями, получившими финансы США, являются «Мицубиси Дэнки», «Тейкоки Сейшен Кабушики Кайша», «Осака Гэс», «Йокогама Раббер» и «Ниппон Коламбия». Кроме этого, 61,5 миллиона из вложенных сумм были использованы для создания в Японии американских предприятий «Джапан Данлоп Раббер», «Джапан Дженерал Моторс» и «Форд Мотор Компани оф Джапан». В структуре американского экспорта в Японию важное место занимают поставки железного и стального лома, станков, промышленного оборудования, нефти и авиационного бензина. По данным источника в госдепартаменте, послу США в Японии Грею дано поручение провести зондаж позиции японского правительства по вопросу дальнейшего расширения военных действий армии на севере. Юнг».

* Основными инициаторами этой политики в США были представители «Национального объединения промышленников», которое опиралось на таких монополистов, как Дюпен, Морган, Рокфеллер, Меллон и Форд.

...Колумбийский университет всегда был центром притяжения многих талантливых людей. В стенах этого научного центра в свое время было сделано немало открытий, которые принесли мировую славу не только ученым, но и самому университету. Юнг, обучавшийся на филологическом факультете, имел немало приятелей в кругу студенчества. Однажды, разговаривая во время ланча со своими однокашниками, он услышал новость, которая сразу же привлекла его внимание. Парень с физического факультета рассказывал, что профессор Энрико Ферми и доктор Лео Сцилард, работающие в лаборатории университета, предположили, что при определенных условиях уран способен отдавать огромный избыток энергии, что позволит использовать его для получения взрывчатого вещества, сила которого в миллион раз превысит любую известную на сегодняшний день взрывчатку. Ахмеров, от природы тяготеющий к гуманитарным наукам, толком не усвоив, о чем конкретно идет речь, видимо, чутьем разведчика понял, что эта, казалось бы, фантастическая, научная гипотеза имеет важнейшее значение.

Он не мог знать того, что в лабораториях США, Германии, Франции, Англии стартовала «гонка» по расщеплению атомного ядра. Он также не знал и о том, что совсем скоро и ему предстоит принять участие в событиях, которые изменят судьбу человечества.

Но это будет потом, а пока Юнг через свои связи навел справки об этой научной новости, но все его источники ничего конкретного сказать не могли. Собственно, говорить-то пока было не о чем, исследования только начинались.

Гарри Уайт, услышав об этой научной гипотезе, сказал, что тоже ничего не знает, но после минутного раздумья добавил:

- Когда-то к Наполеону пришел странный человек. Звали его, кажется, Фултон. Он предложил императору заменить парусные суда Франции, которые зависели от ветра и никак не могли переплыть Ла-Манш, парходами. Наполеон рассмеялся над горе-изобретателем. Как корабль может плыть без парусов? И кто знает, не откажись Наполеон от идеи Фултона, чем бы закончилась та война?

Несмотря на расплывчатость материалов, в июне Юнг отправил в Центр шифрограмму:

«Юнг Климю. В научных кругах США обсуждается возможность использования в военных целях урановой реакции. Правительство США пока никак не отреагировало на эту научную гипотезу. Юнг».

... А в июле из Центра пришла шифровка, в которой предписывалось всей нелегальной резидентуре свернуть работу в США и в полном составе выехать в Москву.

- Он что, ох...л?! - Берию трясло. От напряжения пенсне свалилось с его носа и упало на бумаги. - Ему в постель

госдеповскую шлюху подложили, а он и сопли развесил. Зачесалось? Так я ему все повыдергаю, чтобы чесаться не хотелось...

- Лаврентий Павлович... - пытался заступиться за своего подчиненного Павел Фитин, начальник внешней разведки НКВД СССР.

- Что Лаврентий Павлович?! - не унимался нарком. - У тебя под носом резиденты женятся на иностранках, может быть, скоро и рожать начнем? Чтоб завтра к 10 часам у меня были все материалы по Ахмерову на столе.

- Слушаюсь. Разрешите идти? - по-военному четко спросил Фитин.

- Иди, - уже несколько поостыв сказал Берия.

Когда за Фитиным закрылась дверь, нарком встал из-за стола, водрузил на нос пенсне и еще раз прочитал шифровку Юнга: «...прошу дать разрешение на брак с гражданкой США Хелен Лаури...».

- Сука, - сквозь зубы процедил Берия и направился в комнату отдыха, которая находилась здесь же. Там он, налив себе полстакана коньяка, сел в кресло и задумался.

«Что стоит за выходкой этого молокососа? Если это проделки американцев, то информация, которую НКВД получал все эти годы из-за океана - полный блеф. А ведь на материалах Ахмерова зачастую строились аналитические материалы, которые докладывались Сталину. Нужно было выдергивать этого недобитка вместе с Базаровым. Сразу видно, одна шайка», - думал всесильный нарком, поцеживая коньяк из стакана.

«Фитин заверяет, что резидентура в США одна из самых надежных - продолжал размышлять Берия. - Но была бы надежной, этого бы не случилось. Да и Троцкого бы уже убрали, если бы были надежными. А если не дать сейчас этому «Ромео» жениться, то он, чего доброго, еще залажет на дно, а еще хуже - уйдет к американцам. Если уже не ушел, работая под колпаком у фэбээровцев. Черт с ним, нужно дать ему согласие на женитьбу, пусть едет сюда со своей голубкой, а здесь уж мы разберемся...»

А Павел Михайлович Фитин, выйдя из кабинета наркома, направился в свое управление. Он прекрасно понимал, в какое положение попал Юнг. Вернувшись в Москву, Ахмеров обязательно будет арестован. Ведь он, Фитин, отговаривал Берию срывать с насиженного места резидентуру в США. Работа там шла полным ходом, серьезных опасений за судьбу разведчиков не было. Тем не менее Берия, по только ему одному известной причине, решил свернуть резидентуру в Вашингтоне. А тут Исхак еще не к времени надумал жениться. Размышляя обо всем этом, Фитин зашел в свой кабинет и набрал номер Павлова.

- Виталий, зайди ко мне, - устало сказал Фитин в трубку. Вскоре на пороге кабинета появился Виталий Павлов.

- Вызывали, Павел Михайлович? - спросил молодой разведчик.

- Заходи, Виталий, садись, разговор будет серьезным.

* В те годы внешняя разведка официально называлась 5-м управлением НКВД СССР.

Когда Фитин закончил свой рассказ, в кабинете повисла тишина. Оба без слов понимали, что в случае ареста Юнга в подвалы Лубянки отправятся и они сами, как проворонившие очередного «врага народа». На какой-то период будет парализована работа всей службы. И это накануне войны.

После долгой паузы Фитин сказал:

- Ладно, давай работать. Неси сюда печатную машинку и личные дела всех сотрудников резидентуры.

- Дело «Ады» тоже нести?

- Конечно.

Они работали всю ночь. В результате ими была создана аналитическая справка на 20 страницах, в которой подчеркивались значительные результаты работы нелегальной резидентуры в США. Особо была отмечена работа агента Ады. Справка, составленная Фитиным и Павловым, включала в себя и описание родственных связей Хелен Лаури. Агент Ада была племянницей Эрла Браудера, руководителя компартии США. Собственно, этот факт когда-то был использован разведкой для привлечения Хелен к

работе. В справке особо было подчеркнуто, что «Эрл Браудер пользуется большим уважением тов. И.В. Сталина».

В назначенное время справка оказалась на столе Берии. Нарком впился глазами в принесенные Фитиным бумаги. Когда он дошел до фразы: «И.А. Ахмеров - член ВКП (б) с 1919 года...», Берия ухмыльнулся, уж ему-то было известно, сколько старых большевиков прошло через подвалы НКВД. Прочитав фразу о родстве Хелен Лаури и Эрла Браудера, нарком поднял удивленные глаза на генерала Фитина - таких «мелочей» он не знал. Берия невольно почесал свою лысеющую макушку.

Дочитав справку до конца, Лаврентий Павлович отложил бумаги в сторону и, выдержав паузу, сказал:

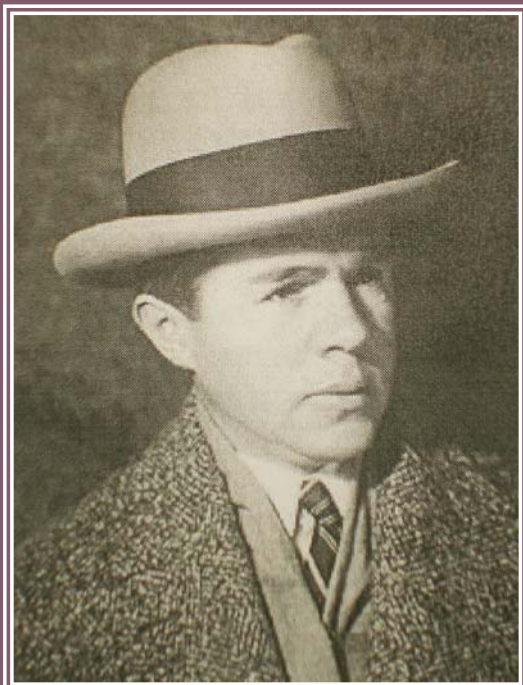
- Павел Михайлович, отправьте нашему Ромео шифровку. Пусть женится и сразу домой.

Фитин, с трудом скрывая свою радость, отчеканил:

- Слушаюсь.

- Иди, иди, Шекспир несчастный, - дружелюбно произнес Берия.

Продолжение следует

АХМЕРОВ ИСХАК АБДУЛОВИЧ (7.4.1901, г.Троицк Оренбургской губ.— 19.7.1976, Москва), разведчик, полковник (1948). До 1921 жил в Казани. В 1926 окончил 1-й Московский университет, работал в Наркомате иностранных дел. С 1930 в органах ОГПУ. В 1932 переведён в иностранный отдел ОГПУ. До 1935 на разведывательной работе в Средней Азии, Турции, Китае. В 1935–45 находился в США, был руководителем советской агентуры. Занимался сбором политической, научно-технической, военной информации. Один из разработчиков плана секретной операции «Снег», которая повлияла на ход 2-й мировой войны (провоцирование конфликта между США и Японией и ликвидация угрозы возникновения войны между СССР и Японией). В 1946–55 заместитель начальника отдела нелегальной разведки, с 1955 преподаватель Высшей школы КГБ СССР. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями.

Из «Татарской энциклопедии»

дем на принцип местного самоуправления».

В 1932 году Мустафа Кемаль поручил Акчуре руководить работами 1-го Турецкого исторического конгресса. На одном из банкетов, данных в честь приезда советской делегации, Мустафа Кемаль предоставил слово своему советнику. На прекрасном русском языке татарский ученый сделал доклад, который приятно удивил советских функционеров. В частности Юсуф Аккура положительно оценил роль народников в истории России, сравнил Ленина с Львом Толстым и показал его как героя, «рожденного на гребне противостояния Востока и Запада», а также положительно оценил предоставление большевиками автономий малым народам Советской России.

Но вернемся на 25 лет назад. В ноябре 1917 года был провозглашен исторический для народов России документ. Он был подписан Народным комиссаром по делам национальностей Иосифом Джугашвили-Сталиным и Председателем Совета Народных Комиссаров В.Ульяновым (Лениным). Это был первый документ, который декларировал свободы народов России «на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Мало кто знает, о чем еще говорилось в этом известном декрете. Ниже мы приведем наиболее яркие моменты документа:

«В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов - с другой. Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придинок и провокаций, прикрываемой словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России. Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение. Второй съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих съездов. Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

- 1. Равенство и суверенность народов России.*
- 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.*
- 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-*

религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Хорошая идея? Да! И кто виноват, что ее не удалось воплотить в жизнь? И снова этот извечный вопрос...

Я зарекаюсь не притрагиваться к работам Владимира Ильича еще лет двадцать с лишним тому назад во время учебы в школе, измученный учительницей истории, которая, перефразируя известный лозунг, «говорила «История СССР», а подразумевала Ленин, говорила Ленин, а подразумевала «Историю СССР». За девятый-десятый классы мы законспектировали столько работ вождя, что бумаги, затраченной на конспекты, с лихвой хватило бы на перевыполнение школьного плана по сдаче макулатуры. Помню, как в армии после ночной смены, нас, смертельно уставших солдат, замполит заставлял конспектировать труды «великого мыслителя». Все это осталось позади и сейчас вызывает лишь ностальгическую улыбку.

Ленин, несомненно, был крупной исторической фигурой, которому удалось разрушить Российскую империю и создать новую – Советскую. Надо отдать должное его уму, интеллекту, организаторским способностям, другим неординарным качествам, которые выдвинули его в ряд выдающихся лидеров всех времен и народов. Стоит еще раз перечитать его работы, например, капитальный труд «Развитие капитализма в России», и станет ясно, что революционер погубил в себе великого ученого-теоретика. Известное высказывание немецкого политика Отто Бисмарка о том, что «революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы», наиболее точно характеризует то, что произошло с Лениным.

После перестройки было опубликовано множество документов, из которых мы узнали другого Ленина – жестокого диктатора, развязавшего «красный террор» и построившего первые советские концлагеря. И это еще одна ипостась большевистского вождя...

Меня всегда интересовало, как Ленин относился к татарам, ведь он знал о них не понаслышке: еще в детстве бывал в имении матери в селе Кокушкино Казанской губернии, мог встречаться с ними в период учебы в Казанском университете, да и в Симбирске татар было немало. Известные русские писатели Толстой и Горький оставили ряд высказываний о татарах, ввели образы татар в свои произведения. Имеются ли такие же высказывания у Ленина? На первый взгляд вопрос простой – издана масса книг на тему «Ленин и Татария», но, к сожалению, они не дают ответа на интересующий нас вопрос. Почему так? Во-первых, там описывается деятельность татарских большевиков, которые были далеки от национальных проблем и больше обсуждали с Лениным революционные дела, а, во-вторых, в эти сборники не попали высказывания Ленина, в которых он говорил о высокой грамотности и образованности татар.

Говоря о национальном вопросе, необходимо сказать о том, кем был сам Ленин по национальности и как он относился к национальной проблематике. Как пишут исследователи, «вождь мирового пролетариата» хотя и был человеком рус-

ской культуры, знавшим жизнь русской провинции, к России, по всей видимости, не испытывал горячей любви, предпочитая западную духовную и бытовую культуру. Ленин преклонялся перед немецким порядком и аккуратностью, уважение к которому воспитала его мать – Мария Александровна. К слову сказать, мать последней, то есть, бабушка Ленина – Анна Григорьевна Гросскопф была немкой со шведскими корнями, а отец – Сруль Мойшевич Бланк – крещеный еврей, по профессии врач. В одной из бесед с Горьким Ленин как-то сказал: «Если в России и есть толковые люди, то это евреи или лица с примесью еврейской крови». Отец Ленина - Илья Николаевич имел чувашские корни и, как утверждает известный чувашский писатель Мишши Юхма, якобы даже учил своих детей чувашскому языку.

Существуют и полуполюгендарные сведения о том, что вождь пролетариата говорил и на татарском языке. Как вспоминал Шарафетдин Хусаинов – родственник известного татарского купца и мецената Ахмед-бая Хусаинова, основателя оренбургского медресе «Хусаиния», во время их встречи в Москве в 1922 году большевистский вождь произнес несколько слов на татарском и сказал подчиненным: «Хусаиновы очень много сделали для народного просвещения и все свое состояние отдали государству и поэтому их не нужно подвергать репрессиям».

В национальном вопросе (как, впрочем, и других вопросах) Ленин был либералом. Обещал золотые горы народам бывшей «тюрьмы народов», что было популизмом и волюнтаризмом чистой воды. Уже скоро возведенные наспех декорации рухнули и нации вновь оказались у разбитого корыта.

*Из обращения к трудящимся мусульманам
России и Востока.
20 ноября 1917 года*

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Вот, оказывается, кто первым произнес «берите суверенитета, сколько проглотите!». А мы думали, что эта фраза принадлежит Ельцину. Произнести красивую фразу гораздо легче, чем воплощать ее в жизнь, а тем более, следить за выполнением громогласно заявленных деклараций.

В 1919 году была создана Башкирская автономная республика, через год – ТАССР. «Мы дали автономию Башкирской республике. Мы должны создать автономную Татарскую республику и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам и говорим себе: стоя против огромного

фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем как совершенно недопустимое явление. Как измену интересам борьбы против международного империализма», - писал Ильич по этому поводу.

Оказывается, автономии были необходимы большевикам, чтобы бороться против международного империализма. Вот так – не больше и не меньше! Ленин понимал, что жесткая вертикаль власти непременно возбудит центробежные силы и приведет к напряжению в регионах, которое грозит непредсказуемыми последствиями. Лучший вариант избежать этого – возглавить процесс и создать видимость демократии, как сказали бы сейчас – «управляемой демократии».

«Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)». Согласно этому определению Ленина, переходный период в России закончился и теперь народы России, «трудящиеся разных наций» готовы слиться в «полном единстве» друг с другом. Получилось так, что и федерации нет и единства нет.

Важное место В.И. Ленин уделял продовольственному вопросу. В одной из своих телеграмм он давал указания: «Безусловно хлеб и мясо в Москву в первую голову. Для этого и вообще «новая экономическая политика» и ряд уступок и премии купцам. В то же время систематическая и максимальная забота о мусульманской бедноте, ее организации и просвещении». Интересная ситуация: одной рукой власти забирают продукты и увозят их в Москву, а другой – организуют просвещение мусульманской бедноты.

Сохранились воспоминания бывшего председателя Казанского губисполкома Иосифа Ходорковского, который дискутировал с Лениным относительно льгот для крестьян-татар: «Обращаясь к продовольственному вопросу, Владимир Ильич довольно определенно высказался в том смысле, что было бы целесообразно установить ряд льгот при взимании продразверстки для крестьян-татар. На наши указания, что нельзя давать льгот крестьянам-татарам, не давая их и русским крестьянам, Владимир Ильич ответил, что он видит эти затруднения, но надо найти подходящую форму и все-таки эти льготы надо, чтобы татарское крестьянство почувствовало реально (пусть и в недостаточной степени) образование Татарской республики». Доброта «дедушки Ленина» была основана на жестком прагматизме. Русские крестьяне, мол, и так никуда не денутся, а татарские – кто знает, могут и взбунтоваться и потребовать полной независимости.

Вспоминает разговор с В. И. Лениным в 1922 году и известный татарский политик С. Саид-Галиев (из книги

В.И. Ленин и Башкирия, Уфа, 1984): "Касаясь вопроса о башкирах, которые остались за пределами малой Башкирии и, по нашему мнению, должны были войти в Татарскую республику, мы старались убедить Ильича в том, что между татарами и башкирами в сущности разницы почти нет. На это Ильич примерно в таком смысле ставил нам ряд вопросов:

- А есть разница в языках или наречиях татар и башкир?
- Есть, но совсем незначительная и то среди крестьян, - следовал наш ответ.

Затем мы указывали на то, что вражда к татарам ограничивается лишь узким кругом шовинистически настроенной башкирской интеллигенции.

Тогда Ильич задал нам примерно такой вопрос:

- Ну, а кто же тогда недавно выгонял с побоями из башкирских деревень татарских учителей и даже мулл, как колонизаторский элемент, башкирская интеллигенция или сами крестьяне?
- Конечно, - отвечали мы, - делали это крестьяне, но это было результатом агитации башкирской интеллигенции.
- А кто сформировал полки и бригады из башкирских крестьян и сумел их повести в бой против кого угодно?
- Тоже башкирская интеллигенция, - тихо промолвили мы упавшим голосом.

На несколько секунд беседа прервалась. Мы молчали. ибо дальше некуда было ехать. Ильич нас поставил, что называется лицом в угол. Этими тремя простыми вопросами Ильич дал нам великолепный урок в том, как одна из только что освободившихся национальностей, сравнительно более сильная, не должна брать на себя роль благодетеля по отношению к менее сильной народности, а тем более действовать вопреки ее желаниям".

Ленин понимал, что с татарами, как с наиболее образованной частью «инородцев», необходимо считаться. В советское время любили повторять, что до революции 80 % татар были неграмотны. При этом забывали уточнить, что эти 80 % были неграмотны по-русски, а, как известно, татарская школа охватывала почти сто процентов татарского населения (в том числе и женщин). Этот факт приводит в одной из своих работ и Ленин: «У казанских татар на 150 человек приходится сейчас 1 мечеть и 1 мулла, у русских и инородцев того же района (Казанская губерния. - А.А.) 1 священник приходится на 1500 душ; у первых одна школа на 100 душ обоего пола; у православных – одна на 1500-3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар еще более высокое».

Ленин полагал, что должно измениться отношение к татарам и другим «инородцам» и на бытовом уровне. Ярким проявлением великодержавного шовинизма были обидные прозвища, которые русские давали представителям всех нетитульных наций. «...Третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, - как «кавказский человек», - писал Ильич по этому поводу. Что касается татар, то прозвище «князь» (видимо, по отношению к татарам-официантам из касимовских татар) было, наверное, самым безобидным.

Например, простолюдины в России называли татарина не иначе, как «собака». Если татарин нанимался батраком в дом русского крестьянина, то приходил со своей посудой, поскольку все, к чему прикасался татарин, считалось «поганым».

Интересные воспоминания о Ленине и его отношении к татарской литературе и татарскому языку оставил журналист Владимир Бахметьев, который в марте 1921 на 10-м съезде РКП (б) с группой делегатов от ТАССР, входивших в состав комиссии по национальному вопросу, принимал участие во встрече с В.И. Лениным в Москве:

« - Вот! – подтвердил Ильич. – Кстати, как у нас с литературой татарской? Имеются достойные преемники этого... как его! – Сын муллы, поэт, перевел на свой язык Пушкина, Лермонтова ... Абдулла, Абдулла...

- Тукаев! – выронил я и, пряча в карман записную книжку с карандашом, назвал несколько имен из молодых татарских писателей.

- Значит, не перевелся порох в пороховнице! – заметил, улыбаясь, Ильич. – Ну, а как обстоит у вас дело с журналистикой, газетами?

Владимир Ильич задал мне несколько вопросов. В том числе о тираже газеты («Известия ТатЦИКа». – А.А.). Об участии в ней национальной интеллигенции и даже полиграфической базе и вдруг:

- А вы татарским языком владеете?

Предупредив мой ответ, один из товарищей, работавший у нас одно время председателем губпрофсовета, затем наркомом труда, сообщил:

- Видите ли, Владимир Ильич, еще в прошлом году казанцами было решено издавать одну газету на татарском и русском языках под общей редакцией его, – указал он в мою сторону, - на русском языке и местного молодого журналиста...

- Шафигуллина, - подсказал я.

- Да, Шафигуллина – на татарском языке.

Владимир Ильич одобрительно кивнул нам, но все же сказал, что и редактору русского издания неплохо бы знать татарский язык, однако, уловив мое смущение, внушительно, без намека на улыбку, заметил, что у всех народов, говорящих на своих родных языках, имеется единый, общий и обязательный язык – язык нашей партии, и что владение вот этим языком – святой долг любого, любой национальности, редактора».

Совсем недавно в некоторых СМИ прошла информация, что коммунистическая партия может взять большинство голосов избирателей на декабрьских выборах в Госдуму России. Хотя официальная статистика говорит об обратном. Резкий скачок цен на товары первой необходимости может стать своего рода катализатором протестных настроений, и никто не ручается за то, как будет развиваться предвыборный сценарий. О чем это говорит? Да все о том же. Даже спустя 90 лет после Октябрьской революции коммунистические идеи находят своих сторонников и их немало. Лучший способ навсегда избавиться от страха перед коммунизмом – это наладить нормальную, человеческую жизнь для своих граждан. Но это, видимо, будет при коммунизме...

